

Глава 3

Сидящий на земле Чэнь Бяо, разглядев подошедшего, лишь пренебрежительно фыркнул. Какая-то деревенщина, взятая в дом лишь ради обряда чунси — разве может этот малец доставить ему хлопот?

— Дела семьи Чэнь не касаются посторонних, — отрезал он.

— Ой, неужели, второй дядя? С чего бы это я вдруг стал посторонним? Или вы уже решили развести меня с Чэнь Цинъянем от его имени?

Чэнь Бяо опешил. Он не ожидал, что этот гэ'эр окажется столь острым на язык. Не найдясь с ответом, он решил прикинуться бесчувственным и просто остался сидеть на земле.

— Что же вы замолчали, дядя? — продолжал Ван Ин. — Неужели приданого матушки вам мало? Так, может, я и своё вам отдам?

Чэнь Бяо скривился в усмешке:

— Откуда у нищего парня из глухой деревни возьмется приданое?

Ван Ин ослепительно улыбнулся, обнажив зубы:

— Ваша правда. Матушке следовало женить сына на девице из богатого рода, чтобы та могла кормить и содержать всю вашу ораву. А то ведь у вас, я гляжу, и руки, и ноги целы, а на пропитание заработать не в силах.

Среди гостей, наблюдавших за сценой, пронёсся смешок. Шепотки зазвучали громче. Чэнь Бяо, каким бы толстокожим он ни был, почувствовал, как к лицу приливает жар.

— Невестка! — грубо выкрикнул он. — Посмотри, кого ты взяла в дом! Как он смеет так разговаривать со старшим? Ни стыда, ни воспитания. Не боишься, что люди засмеют?

Госпожа Ли замялась, не зная, что ответить, и беспомощно посмотрела на невестку. Ван Ин тут же стёр улыбку с лица.

— Не вам, второй дядя, говорить о стыде. По совести, после смерти главы семьи именно братья должны заботиться о вдове и сиротах. А что делаете вы? Требуете денег, а не получив — устраиваете постыдную истерику. По-моему, это у вас нет ни чести, ни совести!

— Ты!..

— Что «ты»? Даже дикие псы в горах оберегают детёнышей своего племени. Вы же хуже бессловесной твари — принуждаете вдову отдавать приданое, лишь бы прокормить вашу лень. Как только наглости хватает?

— Я...

— Будь я на вашем месте, я бы от стыда головой о стену расшибся. Как вы собираетесь смотреть в глаза покойному брату, когда встретитесь с ним в загробном мире?

Чэнь Бяо побагровел, хватаясь за грудь и не в силах вымолвить ни слова. Ван Ин же, не теряя времени, внезапно рухнул на колени и, закрыв лицо платком, притворно зарыдал:

— Племянник при смерти, в доме праздник, а вы пришли разорять нас! Вы что же, в могилу нас всех свести хотите?! Нет нам жизни, нет спасения!

Глядя на дядю, который от ярости стал бледнее мела, Ван Ин втайне торжествовал. В прошлой жизни его бабушка мастерски давала отпор самым несносным родственникам, и он, всегда будучи рядом, усвоил её уроки. Кто бы мог подумать, что эти навыки пригодятся ему здесь.

— Неслыханно! Просто неслыханно! — прохрипел Чэнь Бяо и, поняв, что сегодня ему ничего не обломится, в ярости взмахнул рукавами и позорно бежал.

Пир подходил к концу, гости постепенно расходились. Ван Ин поднялся с колен и небрежно отряхнул одежду. Обернувшись, он увидел восторженные лица Чэнь Цинъюнь и младшего брата. Казалось, им не терпится хлопнуть в ладоши и закричать: «Невестка, ты просто супер!».

— Как же вы его умыли! Так и надо этим стервятникам, — Цинъюнь подбежала к нему и схватила за руку. — Пусть знают, что больше не получится обирать нас каждый месяц!

Видит бог, она давно мечтала высказать дяде всё, что думает, но воспитание и положение не позволяли ей опуститься до открытой ссоры.

— Не говори глупостей, — мягко упрекнула её госпожа Ли, хотя в её глазах читалась тревога. — В доме было столько гостей... Боюсь, слухи об этом быстро разойдутся и повредят твоей репутации.

Ван Ин лишь беззаботно отмахнулся:

— Чего стоит репутация, если в доме шаром покати?

К тому же, в глубине души он не считал себя настоящим гэ'эром, так что пересуды его

совершенно не волновали.

Госпожа Ли, происходившая из образованной семьи, с детства приученная к мягкости и благородству, сама никогда бы не ввязалась в подобную перепалку. Но сейчас, когда кто-то наконец защитил их и выплеснул всё то негодование, что копилось у неё в душе, она почувствовала небывалое облегчение. Предубеждение против простого происхождения Ван Ина начало таять.

— Ты, должно быть, проголодался. Я велела оставить для тебя лучшие блюда. Цинъюнь, Цинсун, отведите невестку к столу.

— Слушаемся!

Ван Ин не ожидал, что его вмешательство так быстро поднимет его авторитет в глазах семьи Чэнь. Особенно радовались дети — теперь они смотрели на него с нескрываемым обожанием.

Двенадцатилетняя Чэнь Цинъюнь оказалась на редкость смышлёной и бойкой девочкой. Слова сыпались из неё, как горох из мешка, и пока они шли, она успела посвятить Ван Ина во все семейные дела. Выяснилось, что за последние годы второй дядя выманил у них около шестидесяти гуаней. Формально это считалось долгом, но без расписок надежды на возврат не было.

Болезнь Чэнь Цинъяня тоже требовала немалых расходов на лекарей и снадобья. И хотя семья Чэнь владела сотней му плодородной земли, урожай сильно зависел от капризов погоды. К тому же госпожа Ли совершенно не умела управлять хозяйством. В общем, деньги таяли на глазах. Проще говоря, запасы «помещиков» подходили к концу.

— Сегодня только благодаря вам матушка не лишилась своего приданого, — с благодарностью сказала девочка.

— Это точно! — поддакнул Чэнь Цинсун.

Ван Ин, утолив голод, довольно похлопал себя по животу:

— Не беспокойтесь. Если он посмеет явиться снова, я самолично вышвырну его вон шваброй.

Дети весело рассмеялись. Кто сказал, что деревенские гэ'эры неотёсаны? Этот гэ'эр просто замечательный!

Когда с обедом было покончено, день уже клонился к вечеру. В древние времена, лишённые

вечерних развлечений, люди жили по заветам предков: с восходом — за работу, с закатом — на покой. Семья Чэнь не была исключением.

Ван Ин неспешно вернулся в задний двор. Помедлив у дверей спальни, он всё же решился войти.

В комнате при свете масляной лампы Чэнь Цинъянь читал книгу. В неверном свете свечи лицо юноши казалось чуть живее, хотя щёки всё ещё болезненно впали, а тонкие губы были плотно сжаты, придавая ему суровый вид. Он бросил на вошедшего короткий взгляд, но промолчал, лишь чуть поправил фитиль, чтобы пламя горело ярче.

Недавно заходил дядя Чэнь и подробно пересказал ему всё, что произошло во дворе. Цинъянь давно знал о проделках второго дяди, но матушка была слишком мягкой и не могла отказать. Младшие брат с сестрой были слишком юны, а сам он из-за болезни не имел сил даже на то, чтобы выйти и объясниться. Этот парень, хоть и вёл себя грубо, оказался не таким уж бесполезным.

Насыщенный день вконец измотал Ван Ина. Разминая затёкшую шею, он спросил:

— Где я сегодня сплю?

По закону, раз уж они поженились, им полагалось делить ложе, но ни один из них не горел желанием спать в одной постели.

— Завтра я велю прибрать в западном флигеле, переберёшься туда, — холодно ответил Цинъянь.

— А сегодня? — Ван Ин подошёл к кровати и прикинул размер. Ложе было довольно просторным, места вполне хватило бы двоим.

Цинъянь вздрогнул:

— Ты что задумал?!

Видя его испуг, Ван Ин не удержался от подначки:

— Как что? Спать лягу, — и с этими словами начал стягивать верхнюю одежду, намереваясь забраться на кровать.

— А ну слезай! У тебя совесть есть?!

— Э? Я за тебя замуж вышел, чего мне стесняться? Спать вместе — это совершенно законно.

— Ты... ты... бесстыдник! — Лицо Цинъяня вспыхнуло так, будто он наглотался углей. Какая наглость! Он никогда не видел столь легкомысленных людей — чтобы гэ'эр сам лез в постель к мужчине!

Ван Ин едва сдерживал смех. Поняв, что может и впрямь довести беднягу до удара, он подхватил одеяло и слез на пол.

— Ладно-ладно, господин, остыньте. Пересплю на полу.

Цинъянь глубоко вздохнул, подозревая, что над ним просто поиздевались. В гневе он задул лампу и поплотнее закутался в одеяло.

В комнате воцарилась тьма, нарушаемая лишь стрекотом сверчков за окном. Ван Ин перевернулся на бок, и улыбка сошла с его лица. Глядя на полоску лунного света, пробивавшуюся сквозь щель в окне, он невольно вздохнул.

Глупо было бы отрицать, что ему страшно. Единственное, что утешало — в том мире у него не осталось никого, о ком стоило бы горевать. Родители развелись и завели новые семьи, когда ему было шесть, бросив его на попечение дедушки с бабушкой. Те были простыми крестьянами, но вырастили его достойным человеком. Они тянули его до самого университета, и лишь когда оба ушли из жизни, Ван Ин остался совсем один.

Под влиянием деда он полюбил землю, поэтому и выбрал агрономический факультет. Интересно, что станет с его экспериментальным полем? Удастся ли в этом году повысить урожайность?

Пока он предавался этим грустным мыслям, в голове внезапно прозвучал голос:

[Экспериментальное поле успешно привязано]

— Кто это?! Кто здесь?! — Ван Ин от испуга подскочил на месте.

Чэнь Цинъянь на кровати тоже вздрогнул.

— Опять бредишь? — раздался его ледяной голос.

«Ну и характер у мальчишки, — подумал Ван Ин. — Язык как бритва»

— Сон приснился, — буркнул он и улёгся обратно.

Стоило ему закрыть глаза, как перед взором вспыхнул белый свет. Мрачная спальня исчезла, и он оказался... на своём родном экспериментальном поле!

Ван Ин неверяще протёр глаза. Нет, всё верно — это оно! Он бросился к изумрудным всходам пшеницы, глядя на них как на родных детей. Слёзы едва не брызнули из глаз.

«Неужели я вернулся?»

Но нет — на нём всё ещё была древняя одежда, а руки казались меньше обычного. Что за чертовщина? Вопросов было море, но отвечать на них было некому. Отбросив сомнения, он кинулся осматривать посевы. Его проектом была засухоустойчивая озимая пшеница.

Обычные сорта сильно зависели от погоды: нужны были снежные зимы для хорошего урожая. Но в последние годы засухи участились, и во многих регионах урожайность падала. Именно поэтому он выбрал это направление. Сорт, который он вывел, назывался «Чанфэн-3». Он отличался крупным колосом, мощным кущением и устойчивостью к горячим суховеям. Ему требовался всего один полив за период вегетации, а урожай стабильно превышал пятьсот килограммов с му.

Единственным минусом был вкус — зерно было жестковато. В этом году он планировал провести скрещивание, чтобы улучшить хлебопекарные качества, но судьба распорядилась иначе, столкнув его в колодец.

— Ого, уже в трубку пошли! А этот колос хорош, пойдёт на семена, — Ван Ин, как заботливый отец, сновал между рядами, нежно поглаживая стебли.

Устав, он присел на краю поля, слушая, как ветер шелестит колосьями. Для него это была самая прекрасная музыка на свете. Он вспомнил, как в детстве ходил с дедом в поле и так же сидел, слушая шум золотистых волн пшеницы — вековую мелодию жизни.

Внезапно всё померкло. Поле исчезло. Ван Ин в ужасе вскочил и обнаружил, что всё ещё находится в спальне семьи Чэнь. Чэнь Цинъянь на кровати крепко спал, и лишь бледный лунный свет лежал на полу.

«Что это было? — лихорадочно думал он. — Неужели всё произошедшее — лишь мимолётный сон?»

Усталость взяла своё, и Ван Ин погрузился в тревожный сон.

Наутро он проснулся от нестерпимого желания сходить по нужде. Открыв глаза и уставившись в незнакомый потолок, он не сразу вспомнил, что вчера «вышел замуж».

— Fuck! — выругался он на непонятном языке, накинул одежду и поспешил в уборную.

Когда он расстёгивал пояс, на землю внезапно упал узкий, сизо-зелёный лист злака.

Ван Ин замер, широко раскрыв глаза. Это... это же лист его любимого сорта «Чанфэн-3»!
Значит, ночное видение не было сном?

<http://bllate.org/book/15812/1422172>